

КОНЦЕПТ ТЕЛЕСНОСТИ МИШЕЛЯ ФУКО

Усовская Элина Аркадьевна,

*кандидат культурологии, зав. кафедрой культурологии
Белорусского государственного университета
культуры и искусств, г. Минск*

Аннотация. В статье рассматривается одна из центральных проблем философско-культурологического дискурса Мишеля Фуко – телесность. Изучение концепта основывается на выявлении некоторых смысловых коннотаций телесности в настоящее время. Постмодернистско-постструктуралистская позиция Фуко концентрируется на идее отчуждения тела от человека. Тело индивида перестает принадлежать ему и передается разного рода дисциплинарным, властным практикам. Возрождение телесности, целостности индивида оказывается возможным вследствие применения технологии заботы о себе.

Ключевые слова: постмодернизм, Фуко, телесность, власть, дисциплинарность, техники себя, забота о себе.

Телесность – категория, социальное, культурное, научное внимание к которой в XX и уже в XXI в. не теряет актуальности. В дискурсе постмодернизма-постструктурализма она особенно рельефно представлена Р. Бартом, Ж.-Л. Нанси, Ж. Делезом, М. Фуко. Обратимся к концепции Мишеля Фуко, предварительно дав абрисное понимание телесности в современном научном дискурсе.

Телесность сегодня, как правило, лишается чисто биологического содержания и рассматривается с точки зрения принадлежности человека к социальному и культурному измерениям его существования. Культура и общество наносят знаки на природное человеческое тело, во многом обуславливая его жизнь и деятельность. Оппозиция «телесное – духовное» фактически снимается, а духовное растворяется в них. Телесное воспринимается в неразрывной связи с психологическим, нередко как целостность – биопсихосоциокультурное явление. Телесность выступает в виде «особого типа целостности человека, имеющей особую бытийственность и пространственные измерения. При этом телесность понимается не как объект, не как сумма органов, а как особое образование – неосознанный горизонт человеческого опыта, постоянно существующий до всякого определенного мышления» [6, с. 71].

В то же время понимание телесности в русле теории так называемой новой телесности Д. Харауэй предполагает возможность выбора варианта

собственной телесности: скажем, оставаться в природном теле либо становится киборгом – что предпочтительнее. Новый герой, киборг, представляет собой гибрид природного тела и интеллекта, искусственных телесных и интеллектуальных механизмов, рационального и чувственного, реального и фантастического [7]. Подобная телесность пролонгирует существование дигитальной, или виртуальной, телесности, инвариантом которой является выбор представленности, проявленности личности в социальных сетях в том образе и с теми характеристиками, которые для него наиболее приемлемы и отражают его скрывающиеся от общества желания и качества. В интернет-пространстве вариаций собственной телесности огромное множество – телесность конструируема, созидаема.

Более того, она создаваема не только в виртуальном пространстве. Современная медицина, психологические и другие практики способны видоизменить человека в реальности как таковой. Или человек, следуя собственным желаниям, моде, трансформирует себя в этой самой действительности.

Итак, путь, по которому «движется» телесность, избирательна (в том смысле, что ее можно выбрать), обусловлена уже не только биологическим, культурным или социальным дискурсами, но и виртуальностью, виртуальным бытием индивида. Однако насколько эта телесность свободна, вернее, насколько личность свободна в выборе своей телесности, не является ли выбранная и сконструированная телесность симулякром в бодрийеровском значении? Свободна ли телесность, как и сам человек, от всякого рода политических и социокультурных детерминаций?

Нам представляется, что концепция Фуко в определенной степени созвучна поставленным вопросам-проблемам. Французский исследователь рассматривает телесность, исходя из разных ракурсов – субъективации, расщепления субъекта, перепоручения заботы о себе специальным институтам (политическим, социальным, культурным), то есть «биополитически». Исходным, как нам представляется, в рассмотрении этой проблемы является тезис-вопрос о том, как стало возможным отчуждение тела от человека или как тело стало политическим, медицинским, социальным объектом, объектом воздействия, в результате которого тело больше не принадлежит личности в полной мере.

Согласно Фуко, история отчуждения тела восходит к Новому времени, к либерализму и, соответственно, к рационализации – правовой, политической, медицинской и т. д. Ее суть заключается в усилении власти над индивидом, которое проявляется в самых разных формах. Увеличение форм обусловленности индивида связано с секуляризацией мышления и культуры, постепенным доминированием светского начала и схематизацией, упрощенностью личности. Это значит, что личность как бы рассекается на части; каждый ее «сегмент» отдается в руки определенной институции. Властью постулируется, что является нормой, что таковой не явля-

ется: «Посредством техники исправления стремятся восстановить не столько правового субъекта, захваченного фундаментальными интересами социального договора, сколько покорного субъекта, индивида, подчиненного привычкам, правилам, приказам, власти, которая постоянно отправляется вокруг него и над ним и которой он должен позволить автоматически действовать в себе самом» [2, с. 189].

В поле зрения власти попадает и тело. Будет несправедливым утверждать, что только в Новое время тело стало объектом пристального внимания власти. В Средневековье телесное как плотское являлось эквивалентом земного, источником дьявольского искушения, с одной стороны, и, естественно, находилось под контролем церкви; с другой стороны, тело и дух оставались связанными друг с другом: разные модусы человеческого существования, дух и плоть составляли целостность. Недаром телесные пытки служили способом духовного, нравственного очищения. К тому же светское и церковное в христианской средневековой традиции создавало общее правовое поле. В основе политической и правовой власти лежали моральные нормы, основанные на религиозных ценностях.

Однако в Новое время власть отвела каждому человеку и его «сегментам» определенное место и изобрела процедуры разделения, выравнивания, установления серийности, контроля и системы наблюдения над телами, что привело к появлению феномена дисциплинарности [4, с. 255]. Объектом заботы государства оказалось и здоровье населения – не только физическое, но и душевное, психологическое и даже сексуальное. Категории нормального и ненормального, психически больного (безумного) и психически здорового стали соизмеряться с представлением о социально-политической норме. Возник механизм социальной сегрегации с постепенной изоляцией от общества душевно больных, а затем нищих, попрошаек, бродяг. Вместе с преступниками они создали своего рода социальную девиантную общность, от которой было необходимо оградить общество добропорядочных граждан, что потребовало, в свою очередь, создания особых органов и институций – специально организованных тюрем, психиатрических больниц и т. д. Власть, таким образом, пошла по пути разделения людей по категориям, дисциплинарного надзора и контроля над каждым человеком, который стал ячейкой коллективного социального тела. Фуко констатирует, что в конце XVIII в. состоялось «исчезновение избирательного правосудия в пользу судебно-полицейского аппарата надзора и наказания» [3, с. 114].

Итак, человек теряет целостность. Он больше не индивидуум, а индивид, принадлежащий и контролируемый разными инстанциями. Человек субъективируется, что у Фуко означает превращение субъекта в объект воздействия. Хотя, казалось бы, субъективность полагает самодостаточность, самостоятельность, даже свободу личности. Однако человек уже изначально детерминирован разного рода дискурсами, «языками», «факультетами»; его познание ограничивается рамками социокультурных границ,

нормы, дозволенного, выход за пределы которых и подлежит наказанию. Это утверждение справедливо в полной мере применительно к любым феноменам повседневности, образа жизни, сексуальных практик. Контроль за ними является проявлением ограничения и надзором над телесностью.

Преодоление тотальной зависимости субъекта, возвращение единства телесного и души, тем не менее, оказывается в эпистемологии Фуко возможным. Воскрешение личности, авторства самости осуществимо через так называемую стратегию заботы о себе, через «техники себя». Фуко разрабатывал идею этой программы в разных трудах и хотел написать книгу, начало которой было положено факультетским семинаром «Технологии себя» в Вермонте в 1982 г.

Одной из техник, как нам представляется, стало возвращение телесности и сексуальности изначального, природного смысла. Недаром в труде «История сексуальности-III: Забота о себе», исследуя проблематику сексуальности, телесности, супружеских отношений в Античности, философ отмечает: «Складывается впечатление, что режим, предлагаемый для сексуальных удовольствий, всецело направлен на тело: его состояние, равновесие, болезни, его основополагающие и преходящие предрасположенности, в которых оно обнаруживает себя, выступают как главные переменные, призванные определять поведение» [1]. Тело и душа составляли целое, а не оппозицию друг другу. Гармоничное единство тела и души вряд ли осуществимо в рамках современной западной культуры и цивилизации. Однако одна из предлагаемых техник себя, согласно Фуко, позволяет людям самим или при помощи других «совершать определенное число операций на своих телах и душах, мыслях, поступках и способах существования, преобразуя себя ради достижения счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» [5, с. 100]. Это созвучно древнегреческим принципам «интересуйся собой», «заботься о себе», которые в греко-римской культуре означали, что знание есть следствие заботы человека о себе.

Стратегия заботы о себе, истоки и традиции которой Фуко искал в античной культуре, не может быть схематично перенесена на современную культуру и общество, как бы мы их ни именовали – постмодерн, метамодерн/новая модерность. Квинтессенцией техники себя может стать тезис «не перепоручай заботу о себе другим» – институциям, дискурсам, людям, а создавай и совершенствуй себя сам. Возможно, так человек сможет обрести себя, собственное тело.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе [Электронный ресурс]. – Киев : Дух и литера ; Грунт ; М. : Рефл-бук, 1998. – 288 с. – Режим доступа: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/fukosex.txt_with-big-pictures.html.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М. : Ad Marginem, 1999. – 480 с.

3. Фуко М. Ненормальные. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. – С-Пб. : Наука, 2004. – 432 с.
4. Фуко М. Нужно защищать общество. – С-Пб. : Наука, 2005. – 312 с.
5. Фуко М. Технологии себя // Логос. – 2008. – № 2(65). – С. 96–122.
6. Цветус-Сальхова Т. Э. «Тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 351. – С. 70–73.
7. Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century”.] – URL : <https://netfiles.uiuc.edu/jwstone2/WAM/Haraway.pd>.

УДК 908

МИКРОТОПОНИМИКА КУЗНЕЦОВСКОГО СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНОМАРИЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Иванова Елена Алексеевна,
студентка Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола

Кутасова Валентина Евгеньевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-культурных технологий
Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола

Аннотация. Изучение топонимики и микротопонимики актуально, так как населенные пункты исчезают вместе с их названиями, а микротопонимика известна только местным жителям. Иногда даже местные жители забывают происхождение топонимов. Важно изучать географические названия, поскольку они отражают культуру народа.

Ключевые слова: деревня, микротопоним, топоним, марийцы.

В повседневной жизни мы привыкаем к географическим названиям – топонимам и микротопонимам. Очень важно их изучать, особенно микротопонимы, так как они известны только местным жителям. Эта тема актуальна во все времена. Она исследуется учеными, краеведами, студентами [1], [3], [4], [5].

Для нас представляет интерес микротопонимика Кузнецовского сельского поселения Горномарийского района Республики Марий Эл. Сельское поселение было образовано в 1924 году. Оно расположено в юго-восточной части района, на правом берегу реки Волга. На юге граничит с Чувашской Республикой, на севере и западе – с Виловатовским